

DOI: 10.7868/S0321039117040069

ОБ УЧАСТИИ ВЕТЕРАНОВ РИМСКОЙ АРМИИ В МЕСТНОМ САМОУПРАВЛЕНИИ И РЕЛИГИОЗНОЙ ЖИЗНИ НИЖНЕЙ МЕЗИИ

А. П. Мартемьянов

Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, Харьков, Украина
a.p.martemyanov@gmail.com

Аннотация. Важным источником современных представлений о том, какое место занимали в провинциальном обществе Римской империи армейские ветераны, являются эпиграфические свидетельства об исполнении ими обязанностей магистратов и жрецов. Показателем того, насколько характерным для бывших воинов было активное участие в местном самоуправлении и религиозной жизни, обычно считают отношение числа ветеранов, являвшихся магистратами и жрецами, к общему количеству отставных военнослужащих, известных на территории той или иной провинции по всем надписям. Именно на основании этого критерия принято судить об уровне социальной активности проживавших в провинциях ветеранов. По мнению автора, такой подход может вести к формированию неверного представления об этой стороне жизни бывших военнослужащих и, следовательно, нуждается в пересмотре. В статье представлен альтернативный вариант решения проблемы и показаны перспективы его практического применения на примере материалов провинции Нижняя Мезия.

Ключевые слова: римская армия, ветераны, провинции, Нижняя Мезия, местное самоуправление, магистраты, жрецы

PARTICIPATION OF VETERANS OF THE ROMAN ARMY IN LOCAL GOVERNMENT AND RELIGIOUS LIFE OF LOWER MOESIA

Alexey P. Martemyanov

V.N. Karazin Kharkiv National University, Kharkov, Ukraine
a.p.martemyanov@gmail.com

Данные об авторе. Алексей Павлович Мартемьянов — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина.

Abstract. A key source for modern interpretations of the place of army veterans in the provincial society of the Roman Empire is epigraphic evidences for them performing the duties of magistrates and priests. Usually the ratio of the number of veterans who were magistrates and priests to the total number of retired military people known by *all* the inscriptions found in the territory of a province is considered as an indication of how typical was active involvement of former soldiers in local government and religious life. On the basis of this criterion it is customary to judge the level of social activity of veterans who lived in Roman provinces. In the author's opinion, this approach may result in a misconception of this aspect of former soldiers' life, and needs to be revised. This article presents an alternative way of solving the problem and shows the prospects for its practical application on the example of relevant data concerning the province of Lower Moesia.

Keywords: Roman army, veterans, provinces, Lower Moesia, local government, magistrates, priests

Определяя место армейских ветеранов в провинциальном обществе Римской империи, исследователи обычно относят их к привилегированным слоям населения. По отношению к значительной части бывших воинов и прежде всего к тем из них, кто принадлежал к офицерскому составу, сумел за годы службы накопить немалые средства, такое представление выглядит убедительно, особенно с учетом тех льгот, которые, в соответствии с римским законодательством, получали военнотружущие, заслужившие почетное увольнение¹. Действительно, солидный по провинциальным меркам уровень благосостояния, освобождение от ряда налогов и повинностей, а вплоть до начала III в.н.э. и само обладание римским гражданством должны были выгодно отличать многих отставных воинов на фоне основной массы провинциалов. Однако найти надежное подтверждение этому основанному главным образом на сообщениях античных писателей и свидетельствах памятников римского права заключению в данных эпиграфических источников, надо полагать, наиболее адекватно отражающих действительное положение дел в провинциях, непросто. Дело в том, что надписи не только не дают возможности судить о том, насколько ощутимыми были те экономические выгоды, которые приносили ветеранам их привилегии, но и вообще говорят очень скупо о материальном положении и хозяйственной деятельности военных после отставки. Даже упоминания о ветеранском землевладении, широкое распространение которого в провинциях не подлежит сомнению, встречаются преимущественно в тех случаях, когда тот или иной ветеран хотел особо подчеркнуть, что он погребен *insuper solum suum, ad villam suam, in praedio suo* и т.п. Естественно, никакой информации о размерах, хозяйственной направленности, доходности поместий, о которых идет речь, такие надписи содержать не могут. Сведения же о денежных пожертвованиях ветеранов, их участии в финансировании связанных с общественными нуждами строительных работ, возведении на собственные средства алтарей и других затратах подобного рода хотя и нередки, но все же эпизодичны. Поэтому и они, несмотря на всю свою очевидную ценность, не позволяют составить достаточно цельное представление о материальных возможностях ветеранов.

Иное дело — надписи, проливающие свет на место отставных военных в общественной жизни провинциальных городов и сел. Взятые в совокупности, эпиграфические данные о ветеранах, участвовавших в местном самоуправлении,

¹См. Neumann 1962, 1601—1604; Kolosovskaya 1969, 122—126; Wolff 1986, 44—115, etc.

исполнявших жреческие обязанности, дают почву для размышлений о том, насколько активно бывшие воины стремились к успешной гражданской карьере и в какой мере имевшиеся возможности позволяли им в этом преуспеть. Оказывается, что, согласно расчетам специалистов, доля ветеранов — магистратов и жрецов в общей массе осевших после отставки на провинциальных землях военнослужащих могла быть очень невелика. Примером тому могут служить провинции Южного Подунавья, с территории которых происходит более тысячи упоминаний о ветеранах — значительно больше, чем из любой другой области Римской империи². По подсчетам К. Крульчика, должностными лицами были в Реции 1,4%, в Норике 2,7%, в Далмации 6,1%, в Верхней Паннонии 4,8%, в Нижней Паннонии 1,7%, в Верхней Мезии 7,6% и в Нижней Мезии 7,9% известных по надписям ветеранов³. Стало быть, в среднем по региону этот показатель оказывается равным всего 4,6%, что явно противоречит мнению об отставных военнослужащих как о преуспевающей социальной группе. При этом ни один из пишущих о ветеранах в дунайских провинциях авторов не пытается найти объяснение такому противоречию, в то время как оно, по сути, решительным образом меняет представление о положении бывших воинов в провинциальном обществе. Ведь можно не сомневаться, что во времена, когда участие в местном самоуправлении было престижным, к нему стремилось немало отставных военных, ощущавших свое превосходство над новыми соседями и стремившихся реализовать себя в гражданской жизни. Если же довериться приведенным данным, получается, что должностным лицом был лишь один из примерно 70 ветеранов в Реции, 37 в Норике, 16 в Далмации, 21 в Верхней Паннонии, 58 в Нижней Паннонии, 13 в Верхней Мезии и 12–13 в Нижней Мезии. Таким образом, выходит, что полученные привилегии и материальное положение открывали дорогу к выборным должностям лишь очень немногим бывшим военнослужащим. Однако действительно ли свидетельства эпиграфических источников дают основания для такого вывода? Этому вопросу и посвящена данная статья.

Принимая во внимание приведенные процентные показатели, заметим, что для каждой провинции они представляют собой отношение числа отставных военных, являвшихся магистратами и жрецами, к общему числу ветеранов, установленному на основании всех имеющихся надписей, например, 9 к 147 — для Далмации, 12 к 250 — для Верхней Паннонии и т.д.⁴ Полученные таким путем данные, разумеется, соответствуют свидетельствам источников, однако не более чем в арифметическом отношении, по принципу «обязанности должностных лиц в провинции выполняла такая-то часть всех известных по надписям ветеранов». Между тем, именно в этих показателях исследователи видят и ответ на главный вопрос, ради которого и проводятся подобные вычисления: насколько характерным было для бывших воинов активное участие в местном самоуправлении и религиозной жизни провинций? Думается, такой подход к решению данной проблемы является неверным, он может вести к существенному искажению общей картины этой стороны жизни ветеранов и, следовательно, нуждается в пересмотре.

² См. Królczyk 2017, 131–132. К сведениям, которые автор приводит по Италии, Германии, Испании, Британии, Проконсульской Африке и Нумидии, можно добавить информацию относительно провинций Сирии и Аравии, где по данным эпиграфики и папирологии известно около 200 ветеранов (см. Stoll 2015, 53, 213–278; ср. Stoll 2013, 314, 335–340).

³ Królczyk 2009, 149.

⁴ Królczyk 2009, 149.

Принципиальный недостаток методики, на основе которой принято определять уровень социальной активности отставных военных, заключается в том, что процент ветеранов — магистратов и жрецов исследователи вычисляют, исходя из суммарного количества бывших воинов, упоминаемых во всех без исключения надписях. Однако многие из этих текстов ввиду специфики своего содержания нести в себе информацию о том, были ли ветераны, о которых идет речь, должностными лицами, просто не могут. Показательным в этом отношении примером являются военные дипломы и различные списки воинов, уволенных в отставку. Любой из названных в них ветеранов теоретически впоследствии мог стать магистратом или жрецом, но установить, случилось ли это на самом деле, невозможно. Следует учитывать и то обстоятельство, что массовое заселение бывшими военными провинциальных земель нередко начиналось в период, когда муниципальной организации там еще не существовало. Надписи этого времени довольно часто сообщают о ветеранах, но рассчитывать на то, что среди них обнаружатся местные магистраты, естественно, не приходится. Эти тексты также фиксируют факты пребывания на территории провинций отставных военнослужащих, но не могут содержать в себе сведений о выполнении ими обязанностей должностных лиц. С каждым таким сообщением численность известных в провинции ветеранов возрастает, в то время как количество магистратов и жрецов остается неизменным. Сколько бы ни было свидетельств подобного рода, составленное исключительно на их основе отношение числа ветеранов, являвшихся должностными лицами, к числу всех упоминаемых отставных военных всегда будет равняться нулю. Стало быть, такие надписи в интересующем нас отношении несопоставимы с теми, в которых может идти речь о гражданской карьере бывших воинов. Поэтому учитывать их при выяснении того, какая часть армейских ветеранов могла активно участвовать в общественной жизни провинций, неправомерно. На наш взгляд, этот показатель должен определяться посредством сравнения *соизмеримых* данных. Это означает, что при подсчетах следует учитывать только те надписи, в которых имеются сведения о гражданской карьере ветеранов или такая информация могла бы присутствовать, будь она достойна упоминания.

Конкретное представление о сути предлагаемого нами подхода и перспективах его практического применения позволяет получить обращение к материалам Нижней Мезии — провинции, где история участия ветеранов в местном самоуправлении и религиозной жизни изучена достаточно хорошо⁵. Мнения исследователей относительно того, какой процент отставных военных составляли там ветераны — магистраты и жрецы, сводятся к следующему. По подсчетам Л. Мрозевича, ранее других уделившего внимание этому вопросу, обязанности должностных лиц в Нижней Мезии исполняли менее 9% ветеранов⁶. Впоследствии к сходным выводам пришел И. Боянов. По его словам, во фракийских землях магистратами и жрецами были не более 10% ветеранов⁷. Наконец, по данным К. Крульчика, надписи свидетельствуют о пребывании в Нижней Мезии 191 ветерана, из которых должностными лицами являлись 15 человек, т.е., как было отмечено, 7,9%⁸.

⁵ Mrozewicz 1982a, 93–94; 1982b, 306–307; Boyanov 2008, 265–270; 2012, 255–257; Królczyk 2009, 143–146; 2017, 155–158; Martemyanov 2014, 11–33. О ветеранах — магистратах и жрецах в Малой Скифии (совр. Добруджа), см. также Aricescu 1977, 196, 202–211; Aparaschivei 2005–2006, 191–204; Mihailescu-Bîrliba, Piftor 2005–2006, 209–215.

⁶ Mrozewicz 1982a, 93–94; 1982b, 307; 1989a, 159–160, 162; 1989b, 67, 73–75.

⁷ Boyanov 2008, 269; 2012, 257.

⁸ Królczyk 2009, 149; 2017, 162.

В книгах Боянова и Крульчика имеются специальные разделы, где собраны эпиграфические данные о присутствии армейских ветеранов в Нижней Мезии⁹. Сегодня круг таких свидетельств может быть несколько расширен, поскольку каждый год приносит новые известия о ветеранах. Однако в основном эти подборки надписей, несомненно, отражают современное состояние источниковой базы, а кроме того, что необходимо учитывать при сравнении полученных результатов, именно на них ориентировались в своих расчетах сами авторы. Поэтому попытаемся определить, какую примерно часть осевших на землях Нижней Мезии ветеранов могли составлять магистраты и жрецы, на основании этих надписей, оставив их количество без изменений.

Раздел «Эпиграфическая документация» (болг. «Епиграфска документация», далее — ЕД) в монографии Боянова включает в себя 222 надписи I–IV вв.¹⁰, которые в большинстве своем действительно, а в отдельных случаях — по мнению автора, содержат сведения о проживавших в Нижней Мезии ветеранах, их детях и внуках.

Начнем с того, что исключим из этого списка документы, которые фиксируют окончание воинской службы и ничего о дальнейшей судьбе ветеранов рассказать не могут. Это 32 военных диплома¹¹ и происходящий из города Трезмис в Малой Скифии перечень воинов V Македонского легиона, отправленных в отставку в 134 г.¹² В результате из 222 надписей остается **189**.

Следующим шагом может стать определение круга надписей, которые не следует принимать во внимание при расчетах по той причине, что они относятся к временам, когда у бывших воинов либо еще не было возможности участвовать в местном самоуправлении, либо они уже к этому особо не стремились. К числу таких текстов принадлежат, прежде всего, свидетельства I и IV веков. I в.н.э. — это время, когда местное самоуправление в Мезии еще не сформировалось. Исключение в данном отношении составляют лишь вошедшие в состав этой провинции и после ее разделения оказавшиеся в Нижней Мезии западнопонтийские полисы. При этом следует заметить, что надписи, указывающие на наличие среди горожан ветеранов уже в I — начале II в., найдены только в Томах¹³. Ни в Истрии¹⁴, ни в Каллатисе, ни в Дионисополе, ни в Одессосе таких свидетельств, насколько нам известно, не обнаружено. В IV же столетии исполнять обязанности куриалов приходилось многим ветеранам, а их сыновьям это даже предписывалось римским законодательством¹⁵. Однако в это время участие в городском управлении

⁹ Подборка эпиграфических свидетельств о ветеранах V Македонского, I Италийского и XI Клавдиева легионов представлена также в монографии Ф. Матеи-Попеску (см. Matei-Popescu 2010, 69–74, 118–122, 160–162).

¹⁰ Boyanov 2008, 313–388.

¹¹ ЕД 3, 5, 13–18, 84, 88, 94, 95, 98–102, 108–111, 117, 120, 121, 129–131, 174, 175, 191, 210, 219.

¹² ЕД 158 = ISM V 137.

¹³ Кроме упомянутого в прим. 11 военного диплома 76 г.н.э. (ЕД 191 = CIL XVI 21 = ISM II 8), это еще три или четыре надписи — ISM II 170, 172, 176 и, возможно, 169.

¹⁴ Надпись 1-й пол. I в.н.э. на надгробии ветерана Л. Кампания Верекунда (ЕД 185), о причинах поселения которого в Истрии Боянов размышляет на с. 165–166, никакого отношения к отставным военным, осевшим на землях Мезии, не имеет. Она обнаружена не на месте античного города Истрия в устье Дуная, как, видимо, полагает автор, а на побережье Адриатического моря, у города Ровиньо (итал. Rovigno), или Ровинь (хорв. Rovinj) на полуострове Истрия (см. CIL V 8185 comm.). Итак, интересующих нас надписей остается **188**.

¹⁵ См. Lebedeva 1977, 153. Ср. Petrusheva 2004, 28.

утратило прежнюю привлекательность и, соответственно, престижность¹⁶, поэтому подчеркивать в надписях свою причастность к нему отставные военные, похоже, уже не считали нужным. Как бы то ни было, факт остается фактом: все без исключения эпиграфические известия о магистратах и жрецах в Нижней Мезии, а таковых, по данным Д. Апараскивея, насчитывается около 230¹⁷, относятся ко II–III вв. При этом более ста из них можно датировать, ориентируясь не на века, а на годы, и только одно такое свидетельство¹⁸ определенно относится к периоду правления Траяна¹⁹, тогда как все остальные являются более поздними. Отсюда следует, что шансы обнаружить должностных лиц среди ветеранов, проживавших в Нижней Мезии в первые десятилетия II в., по крайней мере до времени правления Адриана, практически сводятся к нулю. Думается, на этом основании, наряду с 16 надписями I в.²⁰ и 10 надписями IV в.²¹, надлежит исключить из списка Боянова и те 16 надписей, которые датируются концом I – началом II или началом II в.²²

¹⁶ Arnold 1906, 262, 265–266. Ср. Aparaschivei 2010, 133–134.

¹⁷ Aparaschivei 2010, 319–342, tab. VII–XXVII; ср. Mrozewicz 1989a, 94–109. В каталоге, составленном Мрозевичем, отражены сведения о 181 должностном лице. Это объясняется тем, что в данной работе автор не рассматривает материалы городских центров, устроенных по греческому образцу (см. Mrozewicz 1989a, 94), в частности, Никополя на Истре и Марцианополя, где по данным эпиграфики известно около 50 местных магистратов и жрецов (см. Aparaschivei 2010, 331–335, tab. XIX–XX).

¹⁸ Это – упоминание о *quinquennalis perpetuus* в датируемом 103–116 гг. посвящении Траяну из Каллатиса (см. *ЕД* 211; Aparaschivei 2010, 342, tab. XXVII, 1).

¹⁹ К этому времени обычно относят и по какой-то причине не учтенную Апараскивеем надпись из Эска (*Colonia Ulpia Oescensium*), в которой упоминается ветеран IV Флавиева легиона, *pater sacrogrum* Т. Теттий Плот (*ILBulg* 32 = *CIL* III 6128, 7425 = *AE* 1900. 15). Однако, на наш взгляд, есть основания полагать, что она может датироваться периодом принципата как Траяна, так и Адриана (см. Martemyanov 2014, 13–14, прим. 8). Что же касается посвящения Траяну из *Sexaginta Prista* (совр. Русе), которое иногда включают в круг свидетельств о местных магистратах в Нижней Мезии, то слова *magister* в его сохранившейся части нет: см. Velkov 1961, 70 (текст), 72 (фото). Оно в свое время было добавлено В. Велковым (Velkov 1961, 76–77), и хотя по смыслу, конечно, подходит, оснований для уверенности в том, что конъектура в данном случае должна быть именно такой, текст не дает. В принципе поставивший надпись С. Anton[ius?] мог быть как магистром, так и любым другим официальным лицом, в частности, вполне возможно, и не представлявшим местное самоуправление. И, видимо, не случайно в позднейшей публикации восстановленный Велковым текст этого посвящения слова *magister* уже не содержит (см. Velkov 1965, 102–103; ср. *AE* 1966, 356).

²⁰ *ЕД* 6, 19–26, 45, 46, 49, 61, 66, 67, 218. Надписи же I и конца I – начала II в. из Том (*ЕД* 190, 192, 193), где участие в это время ветеранов в городском самоуправлении было, как отмечалось, вполне возможным, представляется правильным при дальнейших подсчетах учитывать.

²¹ *ЕД* 11, 37–39, 50, 51, 135, 146, 209, 221. Надпись № 51 (= *ILBulg* 150), по мнению Б. Герова, может датироваться и началом IV, и концом III в.н.э. (Gerov 1952–1953, 374, № 301), однако думается, что и в это время отношение к участию в городском самоуправлении было уже примерно таким же, как и в IV в.

²² *ЕД* 27, 29–31, 41, 42, 58, 68, 69, 89, 96, 118, 122, 145, 171, 211. В последней, уже упоминавшейся (см. прим. 18) надписи 103–116 гг. из Каллатиса в любом случае о ветеранах речи не идет. Боянов включает ее в приложение лишь на том основании, что там упоминаются проживавшие в городе римские граждане, среди которых, по его словам, могли быть и ветераны (Boyanov 2008, 385).

Прежде чем обратиться к оставшимся **146** надписям, необходимо определить критерии, которыми следует руководствоваться при составлении базы эпиграфических данных о ветеранах. Разумеется, в нее должны входить все тексты, в которых прямо указывается, что такой-то человек ветеран (*veteranus*, *emeritus*, *missicius*, βετεράνος, οὐετρανός, παλαιστρατιώτης, ἐστρατευμένος и т.д.). С такой же определенностью свидетельствуют об отставных военных конструкции типа *ex signifero*, *ex decurione*, *ex duplicario* и т.п., а также встречающиеся в различной форме упоминания об их отставке (*missus honesta missione*, *vixit post missionem annis X* и проч.). Наконец, иногда установить, что упоминаемое в надписи лицо является ветераном, помогает контекст. В качестве примера приведем надпись с территории римского города Дуросторум (совр. Силистра) в Нижней Мезии, обнаруженную у с. Остров в уезде Констанца²³. Она начинается словами: *D(is) [M(anibus)] / C(aio) Val(erio) C(aii) Val(erii) filio Colonia Ulp(ia) / Zermizegetusa Iuliano p(rimo) p(ilo) / leg(ionis) XI Cl(audiae) p(iae) f(idelis) qui vixit ann(is) / LXXXVIII...*²⁴ Согласно буквальному смыслу текста, Г. Валерия Юлиана следовало бы считать *действующим* примипилом, тем более что эпитафия найдена поблизости от места дислокации XI Клавдиева легиона, в котором он служил. Однако хотя и известно, что некоторые центурионы находились на службе свыше 40 и даже 50 лет²⁵, представить себе, что человек в столь почтенном, как Г. Валерий Юлиан, возрасте мог оставаться в строю, сложно. Поэтому говорить о том, что воинская служба осталась для него в прошлом, думается, можно с большой долей уверенности²⁶. Заметим, однако, что косвенные свидетельства о ветеранах следует учитывать только тогда, когда они дают для этого действительно веские основания, а некоторые надписи из эпиграфического приложения Боянова, как кажется, этому условию не отвечают.

Так, среди надписей, свидетельствующих о пребывании на территории Нижней Мезии армейских ветеранов, Боянов приводит посвящение из Каллатиса (совр. Мангалия) следующего содержания: *I(ovi) O(ptimo) M(aximo) / et Iunon[i] / Reginae / T(itus) Flaviu[s] / Sabin[us] / pos[uit] / pro s(al)ute] / Imp(eratoris) T(iti) [Ael(ii)] / Antoni[ni]*²⁷. По его словам, дедикант был человеком «с Флавиевой романизацией, которую он мог получить вследствие военной службы»²⁸. Однако такое заключение трудно признать достаточным основанием для причисления Т. Флавия Сабина именно к ветеранам или их прямым потомкам, тем более с учетом того, что посвящение относится к временам правления Антонина Пия.

²³ Современные центры, упоминаемые с указанием уезда (*рум. județ*) или коммуны, находятся в Румынии, а общины — в Болгарии.

²⁴ Bărbulescu-Munteanu, Rădulescu 1982, 155–156, fig. 1; *AE* 1983. 880.

²⁵ Birley 1989, 114; Mrozewicz 1984, 181–184; Makhlayuk 2000, 78, прим. 83.

²⁶ Правда, полной гарантии того, что умерший был ветераном, с учетом его высокого чина, даже в этом случае, видимо, нет. По крайней мере Л. Михайлеску-Бырлиба считает, что он продолжал служить до самой смерти: «d'un primipile de la *legio XI Claudia Pia Fidelis*, C. Valerius Iulianus, originaire de Sarmizegetusa, mort en service à 88 ans!» (Mihailescu-Bîrliба 2014, 177).

²⁷ *ЕД* 212 = *ISM* III 249. К сожалению, посвященный Каллатису и его территории том свода греческих и латинских надписей Малой Скифии (*Inscriptions grecques et latines de Scythie Mineure*. Vol. 3: *Callatis et son territoire*. Bucarest–Paris, 1999) остается для нас недоступным, поэтому представленные в нем тексты цитируются по книге Боянова.

²⁸ Boyanov 2008, 385.

К числу лиц, возможно, являвшихся ветеранами, Боянов относит и Марка(?)²⁹ Аврелия Флавия, известного по надписи III в. из с. Твырдица в общине Шабла на северо-востоке Болгарии. Между тем, по его же собственному, и совершенно справедливому, замечанию, из текста не ясно даже, служил ли этот захваченный варварами и впоследствии освобожденный человек в римской армии вообще³⁰.

Говоря о принцеппе вика Аврелии Викторине, который упоминается в надписи конца II — начала III в.н.э. (ЕД 12), найденной в городе Криводол (в античное время — территория города Монтана), Боянов ссылается на мнение Герова, полагавшего, что это имя свидетельствует «о лице, прошедшем через войска или происходившем из фамилии ветерана»³¹. То, что Аврелий Викторин именно таким лицом и был, в общем-то возможно, но сам он об этом в посвящении ничего не говорит: I(ovi) O(ptimo) M(aximo) et [Iunoni reginae]. / Aur(elius) Victorinus Victoris fil(ius) / princeps vici Tautiomosis / I(ibens) v(otum) s(olvit) m(erito)³².

Разумеется, категорически отрицать, что в любой из трех приведенных надписей может идти речь о ветеранах, не приходится, однако серьезных оснований считать их таковыми нет. Если, пытаясь выявить среди провинциалов отставных военных, ориентироваться на предложенные в этих случаях Бояновым критерии³³, ветеранов можно усмотреть едва ли не в большинстве известных по данным эпиграфики лиц с римскими именами, что представляется неверным.

В двух надписях из римского Альма (Almus, на месте совр. города Лом) говорится не о ветеранах, а о лицах, продолжавших служить. Одну из них (перечень 16 военнослужащих I Италийского легиона³⁴) Боянов приводит, возможно, потому что там упоминаются два эвоката. Однако *evocati*, как известно, несли сверхсрочную службу³⁵, а не пополняли состав гражданского населения провинции, где была расквартирована их часть. Поэтому причислять эвокатов Геминия Севера и Юлия Рустика к ветеранам, осевшим на землях Нижней Мезии, нельзя. В другой надписи (посвящении Немесиде, которое Боянов датирует концом II — началом III в.)³⁶, дедикант Цезидий Аманд совершенно определенно фигурирует не как ветеран, а как *beneficiarius consularis*³⁷.

Вполне возможно, что не об отставных, а о действующих военнослужащих идет речь и в некоторых других надписях. Так, по мнению Боянова, вероятно, был ветераном гастат I Парфянского легиона Испаний Виктор, известный по надписи

²⁹ См. *IGBulg* I² 1 comm.

³⁰ ЕД 222 = *IGBulg* I² 1: Αὐρ(ήλις) Φλάβ[ι]/ς *vacat* Μ(ᾱρκος) / ἱερεὺς λη/φθίς ὑπὰ (sic) / τῶν βαρ/βάρων, σω/θίς ἐλθὼν / ——.

³¹ Gerov 1977, 81.

³² Velkov, Aleksandrov 1994, 31, № 62.

³³ Попутно заметим, что сходным образом Боянов аргументирует и включение некоторых надписей в раздел эпиграфического приложения, посвященный Фракии (см. ЕД 230, 232, 247, 254, 257, 271, 272, 288, 295–302, 304, 310), и данное обстоятельство обязательно следует учитывать, определяя круг эпиграфических свидетельств о ветеранах, проживавших в этой провинции.

³⁴ ЕД 1 = *CIL* III 14409¹; ср. Gerov 1952–1953, 357, № 16. Геров датирует надпись второй половиной II в., а Крульчик концом II — первой половиной III в. (см. Królczyk 2005, 128).

³⁵ Об эвокатах в императорском Риме см. Cagnat 1892, 867–868; Rostovtsev 1904, 134–135; Fiebigier 1907, 1148–1152.

³⁶ ЕД 2 = *CIL* III 14208. Ср. Gerov 1952–1953, 358, № 17.

³⁷ *CIL* III 14208: ...Caesidius Amandus b(ene)f(iciarius) v(iri) c(larissimi) co(n)s(ularis) v(oto) p(osuit).

222–235 гг. из античной Монтаны (находящийся на ее месте современный город с 1993 г. носит такое же название)³⁸. К такому заключению автор приходит на основании того, что I Парфянский легион со времени его создания при Септимии Севере постоянно дислоцировался в Месопотамии³⁹. Конечно, оставлять это обстоятельство без внимания не следует, но надежным доказательством того, что дедикант был ветераном, оно служить не может. На вопрос, каким образом он оказался в Нижней Мезии, могут быть предложены самые различные ответы. Например, В. Божилова, автор первой публикации этого посвящения, усматривала в нем свидетельство присутствия в Монтане какого-то подразделения I Парфянского легиона⁴⁰. Действительно ли это было так, судить сложно, так как никакими иными указаниями на этот счет мы не располагаем. Однако то, что у Испания Виктора могли найтись причины посетить Монтану в годы службы, сомнений не вызывает.

Ветеранами Боянов считает также Валента и, предположительно, Г. Эмилия Виатора, упомянутых на надгробии II в.н.э. из Одессоса (совр. Варна)⁴¹. В том, что отставным военным был Валент, хотя, как можно видеть, в надписи прямых указаний на это нет, исследователь, кажется, вообще не сомневается. По крайней мере в комментарии к надписи он отмечает: «Супруга является дочерью *ветерана* XI Клавдиева легиона» (курсив мой. — А.М.)⁴². Относительно же Г. Эмилия Виатора Боянов пишет следующее: «Изображение щита подсказывает, что и Γάιος Αἰμίλιος Βιάτωρ, вероятно, является ветераном того же самого легиона»⁴³. Заметим, однако, что это изображение на фронте надгробия может символизировать причастность умершего к воинской службе, независимо от того, была ли она для него уже в прошлом. Судить же определенно о том, дожили ли отец Валентины и ее муж до выхода в отставку, основываясь на самом тексте надписи, представляется весьма рискованным.

С отставными военными Боянов связывает и ряд эпитафий на надгробиях пожилых мужчин, где указывается, что те служили в армии, но ветеранами умершие при этом не называются. Разумеется, обращать внимание на надписи такого рода нужно. Однако определить возраст, достигнув которого человек уже не мог оставаться на военной службе, бывает непросто.

В эпоху принципата служить юноши начинали обычно в 17–20 лет. При этом срок службы, необходимый для получения права на *honesta missio* и соответствующие привилегии, зависел от того, в каких частях они служили, и, претерпевая время от времени известные изменения, составлял от 16 лет в преторианских когортах до 28 лет во флоте. Большинство же воинов — легионеры и солдаты вспомогательных войск — во II–III вв.н.э. находились на службе в среднем около 25 лет. Казалось бы, эти сведения⁴⁴ позволяют видеть ветерана в каждом причастном к армии 50-летнем мужчине. Однако в действительности и возраст поступления на службу, и ее продолжительность могли существенно отличаться от

³⁸ *ЕД* 7: *Aram cum sig(illo) Deanae / Hispanius Victor / hastatus / leg(ionis) I Parthicae / Severianae / [ex] voto...* (цит. по: Velkov, Aleksandrov 1994, 10, № 15).

³⁹ См. Ritterling 1924–1925, 1435–1436.

⁴⁰ Bozhilova 1987, 27, № 12.

⁴¹ *ЕД* 220 = *IGBulg* I² 175 bis: Γ(άιος) Αἰμίλιος Βιάτωρ καὶ ἡ γυ/νὴ αὐτοῦ Οὐάλεντεῖνα Οὐάλεντος θυγά/τηρ λεγιώνος αἰ' (*sic!* — А.М.), ζήσασα ἔτη κ'. χαῖρη.

⁴² Boyanov 2008, 387.

⁴³ Boyanov 2008, 387.

⁴⁴ См. Le Bohec 2001, 92–93; Mann 2000, 153–155; Wesch-Klein 2007, 438–440, etc.

традиционных. Можно было начать служить как в отроческом возрасте⁴⁵, так и будучи старше 20 лет⁴⁶, а в армии оставаться гораздо дольше положенного срока, причем случаи, когда военные служили более 30 лет, похоже, не были редкостью. Известны они и в Нижней Мезии. Найденные на ее территории эпитафии ветеранов свидетельствуют о том, что их армейская служба могла длиться и 32 года⁴⁷, и 35⁴⁸, и 36 лет⁴⁹. Следовательно, сам по себе 50-летний возраст упомянутого в надписи военнослужащего не может служить надежной гарантией того, что к этому времени он уже находился в отставке. Особую же осторожность в этом вопросе приходится проявлять, когда речь идет о центурионах, которые, как отмечалось, могли служить и более полувека. Сообщение о центурионе с таким солидным армейским стажем обнаружено и на территории Нижней Мезии. В надписи 184 г. из римского города Новы (у совр. города Свиштов) указывается, что примипил I Италийского легиона Л. Максимий Гетулик прослужил 57 лет⁵⁰. Таким образом, если в надписи говорится о, скажем, 60-летнем центурионе, никакой уверенности в том, что он уже находился в отставке, быть не может.

Между тем, Боянов относит к числу ветеранов и четырех центурионов, не достигших 60-летнего возраста. В двух случаях он приводит соответствующие надписи без каких бы то ни было комментариев. Однако в эпитафии II в. из римской Состры (у с. Ломец в общине Троян) сообщается лишь о том, что умерший был центурионом стоявшего в соседней Верхней Мезии⁵¹ IV Флавиева легиона, и нет даже намек на то, что он являлся ветераном⁵². Сходным образом характеризует покойного и надгробная надпись из античной Сацидавы⁵³, находившейся в окрестностях с. Дунэрень (бывш. Мырляну) в уезде Констанца. Отдельные места текста исследователи восстанавливают по-разному⁵⁴, но при любом варианте прочтения речь в нем идет о центурионе II Геркулесова легиона Валерии Онесиме.

⁴⁵ Пожалуй, наиболее известным в этом отношении примером является история центуриона V Македонского легиона М. Цезия Вера, который, судя по его эпитафии, начал свою армейскую карьеру еще в 14-летнем возрасте (см. *AE* 1990. 896; ср. Birley 1989, 115). Имеются и другие свидетельства о привлечении к службе в армии 14–15-летних подростков (см., например, *CIL* II 6088; III 6454; VI 3273; VIII 21779; X 3651, 5403).

⁴⁶ Это подтверждается и примерами из Малой Скифии. Так, известный по надписи из Трезмиса Тиберий Клавдий Приск прослужил 26 лет и умер в 50, через два года после отставки (*ISM* V 178), т.е. служить он начал в 22 года. В принципе и этот возраст был для поступления на военную службу вполне обычным (см. Birley 1989, 115). В найденной в окрестностях античных Том эпитафии Флавия Урсиниана говорится, что он умер в 25 лет, прослужив 1 год и 8 месяцев (*ISM* II 382), из чего следует, что на службу этот молодой человек поступил в 23 или 24 года.

⁴⁷ *ISM* II 172.

⁴⁸ *AE* 1912. 187 (ср. Gerov 1948–1949, 77, № 35); *ILBulg* 122 = *CIL* III 12361 = *AE* 1895. 42 (ср. Gerov 1948–1949, 77, № 36).

⁴⁹ *ILBulg* 50 = *AE* 1960. 127.

⁵⁰ Mrozewicz 1984, 181–184. Ср. *AE* 1985. 735; *ILN* 27.

⁵¹ Ritterling 1924–1925, 1542–1546; Ivanov 1999, 92.

⁵² *ЕД* 65: D(is) M(anibus) / C(aius) Iulius / Barbari/anus⁵ / (centurio?) leg(ionis) III Fl(aviae) / vixit ann(is) LI... Цит. по: *ILBulg* 263. Р. Канья и М. Бенье на основании первой публикации этой надписи Г. Кацаровым приводят использовавшийся для обозначения чина центуриона символ > в конце стк. 4 (см. *AE* 1929. 119).

⁵³ *ЕД* 139. По мнению Боянова, надпись датируется III в.; ср. *AE* 1976. 628 comm.; Scorpian 1972, 302.

⁵⁴ *AE* 1963. 182; 1976. 628; 1979. 536; Brennan 1979, 161–167.

И в этом случае никаких указаний на то, что ко времени смерти центурион находился в отставке, в эпитафии нет⁵⁵. Более того, принадлежность Валерия Онесима к legio II Herculia только повышает вероятность того, что он мог быть действующим военнослужащим: постоянный лагерь этого легиона, по всей видимости, находился именно в Малой Скифии⁵⁶. Там же, в Трэзмисе, с первого десятилетия II в. до 167 г. дислоцировался V Македонский легион⁵⁷, в котором служил известный по надписи 1-й пол. II в. из Tropaеum Traiani (у совр. с. Адамкиси в уезде Констанца) Гай Юлий Валент. Комментируя содержание этой эпитафии, Боянов называет его ветераном и бывшим центурионом, но никаких пояснений по данному поводу не дает⁵⁸. В тексте же об этом опять-таки ничего не говорится⁵⁹. Только в одном из четырех рассматриваемых случаев Боянов объясняет, почему считает центуриона ветераном. Относительно упоминаемого в надписи из Трэзмиса⁶⁰ Л. Антония Феликса он пишет: «Хотя точно это и не указано, вероятно, речь идет о ветеране, с учетом возраста, в котором умер этот центурион, и того, что перечисленные легионы не стояли в Нижней Мезии» (курсив мой. — А.М.)⁶¹. К такому заключению автор приходит на основании следующей информации: L(ucio) Antonio / L(ucii) fil(io) Arnensi / Felici, Kartha/gine, (centurioni) leg(ionis) III / Aug(ustae), (centurioni) leg(ionis) X Gem(inae) / [(centurioni) l]eg(ionis) I Ital(icae) vixit / annis LVIII...⁶² Однако, как было показано, центурион в этом возрасте вполне мог оставаться на службе. Слова же о том, что ни один из названных в эпитафии легионов не размещался в Нижней Мезии, вызывают недоумение, так как история I Италийского легиона связана прежде всего именно с этой провинцией, причем какая-то его часть после отбытия в 168 г.н.э. V Македонского легиона в Потаиссу некоторое время находилась в Трэзмисе⁶³.

Еще одна надпись, в которой может говориться не о ветеране, а о действующем военнослужащем, происходит предположительно из Эска⁶⁴ и датируется временем правления Александра Севера: C(aio) Valerio C(ai) f(ilio) / Pap(iria) Velentia/no⁶⁵ p(rimo)p(ilo) leg(ionis) I Ital(icae) / Sever(ianae) praef(ecto) / leg(ionis) I adiutrici(s) / Severianae / C(aius) Val(erius) Plautia/nus eq(ues) R(omanus) pontif(ex) / et (duum)viral(is) col(oniae) / patri. / L(ocus) d(atus) d(ecreto) d(ecurionum)⁶⁶. По поводу Гая Валерия Валентиана Боянов пишет: «Вероятно, после своего увольнения он также занимал магистратскую должность в колонии, если судить по тому,

⁵⁵ ...Digne locutu[s], militia(m) colui(t) ⁵ / legionis II He(r)culi(a)e, / Valerius Onesim[us], / centurio qui uixit a/nnos quinquagint/a et me(n)ses septe(m)... Цит. по: *AE* 1979. 536.

⁵⁶ Ritterling 1924–1925, 1467–1468; *AE* 1979. 536 comm.; Doruțiu-Boilă 1980, 157, 159.

⁵⁷ Ritterling 1924–1925, 1576–1578; Ivanov 1999, 89; Matei-Popescu 2010, 47–52.

⁵⁸ Boyanov 2008, 362.

⁵⁹ *ЕД* 133: D(is) M(anibus) / C(aius) Iul(ius) C(ai) fil(ius) Va/lens c(enturio) leg(ionis) V Mac(edonicae) / dom(o) Amasia / vix(it) an(nis) L mil(itavit) an(nis) XXX...

⁶⁰ *ЕД* 167 = *CIL* III 6185 = *ISM* V 176. Э. Доруциу-Бойлэ датирует надпись концом II в. (*ISM* V 176 comm.), а Ф. Матеи-Попеску — третьей четвертью этого столетия (см. Matei-Popescu 2010, 100).

⁶¹ Boyanov 2008, 373.

⁶² Цит. по: *ISM* V 176.

⁶³ Ritterling 1924–1925, 1409–1416; *ISM* V 176 comm.; Ivanov 1999, 90–91; Matei-Popescu 2010, 79–84.

⁶⁴ *ILBulg* 17 comm.

⁶⁵ Должно быть Valentiano, см. *ILBulg* Tab. V, 17 imago photogr.

⁶⁶ *ЕД* 36 = *ILBulg* 17.

что парцелла для его погребения предоставлена городом согласно декрету декурионов»⁶⁷. Однако на самом деле достаточно веских оснований для того, чтобы считать Валентиана ветераном, текст надписи не дает. Разумеется, поставивший надпись Гай Валерий Плавтиан, судя по должностям, которые он занимал, был зрелым человеком, и это указывает на преклонный возраст его отца. Но и здесь обязательно следует учитывать, что командные посты, подобные тем, на которых служил Валентиан, могли замещать и весьма пожилые люди. А то обстоятельство, что упомянутое в надписи место было выделено по решению декурионов, вполне может объясняться не участием в управлении колонией самого Валентиана, а тем авторитетом, которым, несомненно, пользовался в городе его сын. Кстати, не совсем понятно, почему Боянов считает, что это место предназначалось именно для погребения, ведь формула *l(ocus) d(atus) d(ecreto) d(ecurionum)* была характерной и для почетных надписей⁶⁸. В этом случае Валентиан мог вообще не проживать в Эске, а находиться со своим легионом в Паннонии.

В ряде других надписей, которые приводит Боянов, либо вообще не говорится об отставных воинах, либо ветераны упоминаются, но в контексте, не предполагающем информации об их участии в местном самоуправлении, даже если такие факты имели место.

Так, три текста информируют о военной и гражданской карьере двух лиц, круг полномочий которых определялся масштабами куда более значительными, чем муниципальные. Бывший префект I Клавдиевой когорты всадников и военный трибун I Итальянского легиона Т. Юлий Сатурнин в датируемых последними годами правления Антонина Пия надписях из болгарского города Летница⁶⁹ и античной Капидавы (у с. Капидава⁷⁰ в уезде Констанца)⁷¹ фигурирует как *conductor publici portorii Illyrici utriusque et Ripae Thraciae*⁷². Еще более заметной фигурой в римской истории II в.н.э. был принадлежавший к одному из влиятельнейших в то время родов уроженец Испании Л. Миниций Натал Квадроний Вер, которому посвящена надпись из Каллатиса⁷³. На своем жизненном пути он занимал многие престижные посты⁷⁴ и в частности в последние годы правления Траяна был военным трибуном I Вспомогательного, XI Клавдиева и XIV Сдвоенного (*Gemina*) легионов, в начале 130-х годов — легатом VI Победоносного легиона, а в промежутке между 140 и 144 гг.⁷⁵ какое-то время являлся наместником Нижней Мезии. На этом основании Боянов, надо полагать, и относит его к числу ветеранов, проживавших в этой провинции. Однако ни Т. Юлий Сатурнин, ни Л. Миниций Натал Квадроний Вер не являлись теми ветеранами, о которых здесь идет речь, т.е. бывшими военными, заслужившими право на почетную отставку в результате многолетней службы. Должности префекта когорты и военного

⁶⁷ Boyanov 2008, 284.

⁶⁸ Cagnat 1898, 236; Sandys 1919, 109, 112; Fedorova 1969, 187 и др. К числу почетных относят эту надпись и Геров: см. *ILBulg* 17 comm.

⁶⁹ *ЕД* 87. См. также *AE* 1928. 153; Gerov 1952—1953, 361, № 74.

⁷⁰ До недавнего времени это село называлось Калакьой.

⁷¹ *ЕД* 143 = *AE* 1934. 107 = *ISM* V 10.

⁷² О Т. Юлии Сатурнине см. также *PIR*² IV.3, 270—271, No. 548; Sarnowski 1993, 69—70, 75, 79; Tacheva 2000, 79—80, 83—84, 87—89, 91; Mihailescu-Bîrliba 2010, 146—147, n. 10.

⁷³ *ЕД* 213 = *IGRR* I 653 = *ISM* III 114; ср. *AE* 1996. 1345.

⁷⁴ Groag 1932, 1836—1842; *PIR*² V.2, 293—295, No. 620; Thomasson 2009, 50, Nr. 20:082.

⁷⁵ См. *PIR*² V.2, 294; *ISM* V 141 comm.; Thomasson 2009, 50; Matei-Popescu 2010, 144, n. 1182.

трибуна были для них не более чем начальными ступеньками политической карьеры, которые Л. Миниций Натал Квадроний Вер, например, преодолел еще в возрасте около 20 лет за каких-то два—три года. Кроме того, в Нижней Мезии, в отличие от ветеранов, осевших там на постоянное жительство, оба этих бывших командира оказались лишь по долгу службы и, получив новые назначения, покинули провинцию. Так, к примеру, Т. Юлий Сатурнин уже во времена совместного правления Марка Аврелия и Луция Вера как *procurator Augustorum* и *procurator Augustorum et Faustinae Augustae* упоминается в надписях из Трира (CIL XIII 3636) и Рима (CIL VI 559), а Л. Миниций Натал Квадроний Вер предположительно в 153—154 гг.⁷⁶ был проконсулом Африки⁷⁷. Наконец, и это в данном случае главное: даже если формально, как, видимо, делает Боянов, считать их ветеранами, трудно представить, что «всевластный откупщик иллирийской пошлины», как называет Т. Юлия Сатурнина М. Тачева⁷⁸, или консуляр, наместник провинции Л. Миниций Натал Квадроний Вер могли «по совместительству» выполнять обязанности городских магистратов. Они достигли гораздо большего, и шансов найти в посвященных этим представителям элиты провинциального общества надписях указания на их причастность к местному самоуправлению практически нет.

Не содержит сведений об отставных воинах и текст посвящения 172 г. Марку Аврелию, его сыновьям и наместнику провинции из Каллатиса. Боянов включает эту надпись в каталог на том основании, что поставившие ее понтархи могли находиться в родстве с упомянутым Л. Миницием Наталом Квадронием Вером. Однако тот, как уже отмечено, занимал командные посты в легионах по ходу своей сенаторской карьеры, а не являлся ветераном, уволенным из армии по выслуге лет или, скажем, по причине ранения, болезни. На причастность же к воинской службе самих дедикантов в посвящении нет и намека: они упоминаются в тексте как *Τ(ίτος) Αἰλῖος Μινίκιος Ἀθαναίων ὁ πρῶτος ποντάρχης καὶ ἀρχιερεὺς καὶ ἄρξας τῆς Ἐξαπόλλεος καὶ ὁ υἱὸς αὐτοῦ Τ(ίτος) Αἰλῖος Μινίκιος Μοσχίων ποντάρχης*⁷⁹.

В эпитафии супругов, найденной в Констанце⁸⁰, о ветеране говорится совершенно определенно, но только для того, чтобы указать происхождение умершего — бывшего дуумвира и авгура Трезмиса: *C. Arrius Quintianus bis/duumviralis et augur mun(icipii) / Troesmens(is) vet(erani) filius et Clau/dia Servata uxor se vivi[s] me/moriam sibi fecerunt curan/tibus Arriis Qu[i]ntiano filio et Ia/nuario lib[er]to*⁸¹. Судя по тому, что даже имя отца-ветерана не упоминается, никаких фактов из его биографии составители надписи приводить не собирались. В таком случае, даже если он и занимал после отставки какие-то должности, в тексте это найти отражения не могло. Собственно говоря, из надписи вообще не ясно, проживал ли отец Г. Аррия Квинциана в Нижней Мезии. Поэтому учитывать ее, и в этом Боянов совершенно прав, разумеется, следует, но как свидетельство о потомках ветеранов и об их карьерных успехах, а не об исполнении отставными военнослужащими обязанностей гражданских должностных лиц.

По сходным причинам не следует принимать во внимание при подсчетах еще два текста. Это эпитафия из Марцианополя, в которой упоминается *Valerius*

⁷⁶ *PIR*² V.2, 294. Ср. Matei-Popescu 2010, 144, n. 1182.

⁷⁷ *CIL* II 4510; XI 2925, 3002; XIV 3599, etc.

⁷⁸ Tacheva 2000, 83.

⁷⁹ *ЕД* 214 = *ISM* III 100.

⁸⁰ *ЕД* 195 = *CIL* III 7560 = *ISM* II 244.

⁸¹ Цит. по: *ISM* II 244.

Herculanus Valerii Silvani veterani filius⁸², и уцелевшая строка надписи из окрестностей с. Недан в общине Павликени (в античное время — территория Никополя на Истре), где, возможно, говорится о внуке ветерана: [C(aius) *vel* P(ublius)P]omp(eius) Magnus bul(euta) C(ai) Pompei Mag[ni f(ilius) ---⁸³. Полагают, что отец булевта Гай был сыном Публия Помпея Магна⁸⁴, чья надгробная надпись обнаружена также неподалеку от с. Недан⁸⁵. Именно эту эпитафию, свидетельствующую о том, что П. Помпей Магн был ветераном I Итальянского легиона, и следует учитывать при подсчетах. Надпись же, в которой упоминается его внук, никакой информации об этом отставном легионере не несет.

Три надписи не могут содержать сведений о гражданской карьере ветеранов по той причине, что они фигурируют в тексте не индивидуально, а как социальная группа, без указания ее отдельных представителей: делают посвящения⁸⁶ или возводят храм⁸⁷ *veterani* или *veterani et cives Romani*⁸⁸.

Наконец, вообще не имеет отношения к ветеранам составленная в поэтической форме надпись из Новиодуна (совр. Исакча), в которой говорится о двух воспитанниках (*alumni*) префекта флота Постума⁸⁹. Судя по всему, Боянов привлекает ее только в качестве подтверждения того, что именно в Новиодуне находилась резиденция командующего Мезийской флотилией (*classis Flavia Moesica*)⁹⁰.

Таким образом, содержание 23 рассмотренных надписей из каталога Боянова либо вообще не позволяет с достаточной уверенностью говорить, что речь в них идет именно об отставных военнослужащих, либо не дает возможности судить о том, принимали упоминаемые ветераны активное участие в общественной жизни городов и сел Нижней Мезии или нет. После исключения их из списка в нем остается **123** надписи.

13 надписей в интересующей нас части настолько серьезно повреждены, что нельзя сказать определенно, действительно ли в них упоминаются ветераны⁹¹. Не рассматривая здесь все эти случаи, приведем два характерных примера, которые наглядно показывают, насколько ненадежными в отношении ветеранов могут быть такие свидетельства. К числу указаний на присутствие отставных военных в Малой Скифии некоторые исследователи относят надпись, найденную в коммуне Кумпэна (в античное время эта территория принадлежала городу

⁸² *ЕД* 217 = *CIL* III 14212.

⁸³ *ЕД* 91 = *CIL* III 12410 = *ILBulg* 433.

⁸⁴ Gerov 1948–1949, 75–76, № 28 ком.; 1952–1953, 378, № 387 ком.; *ILBulg* 431 comm., 433 comm.

⁸⁵ *ЕД* 89 = *CIL* III 12409 = *ILBulg* 431.

⁸⁶ *ЕД* 112 = Ivanov 1980, 16; *ЕД* 123 = *AE* 1925. 109.

⁸⁷ *ЕД* 166 = *ISM* V 135 = *AE* 1980. 818.

⁸⁸ Формула *veterani et cives Romani* встречается в надписях из Нижней Мезии еще восемь раз (*ISM* I 324, 326–328, 330–332; V 233). Однако во всех этих текстах, на наш взгляд, может идти речь о ветеранах, которые были магистратами в *vicus Quintionis* и *vicus Nov(us)?*: см. Martemyanov 2014, 28–30.

⁸⁹ *ЕД* 172 = *ISM* V 281. См. также *AE* 1977. 762; 1984. 793; 1987. 897; 2000. 1271; Barnea 1975, 258–261; Gamberale 1989, 43–54; Żyromski 1994, 127; Matei-Popescu 2010, 253.

⁹⁰ Boyanov 2008, 122.

⁹¹ *ЕД* 32 = *AE* 1957. 296 = *ILBulg* 66; *ЕД* 33 = *AE* 1956. 230 = *ILBulg* 76; *ЕД* 56 = *IGBulg* II 586; *ЕД* 63 = *ILBulg* 242–243; *ЕД* 64 = *CIL* III 12398, 14207⁴⁰ = *ILBulg* 249; *ЕД* 70 = *ILN* 35; *ЕД* 76 = *ILN* 63; *ЕД* 124 = Beshevliev 1952, 68, № 115; *ЕД* 151 = *AE* 1972. 540 = *ISM* V 131; *ЕД* 196 = *CIL* III 7557 = *ISM* II 247; *ЕД* 200 = *CIL* III 14214²⁹ = *ISM* II 225; *ЕД* 202 = = Bărbulescu-Munteanu, Rădulescu 1981, 167–169; *ЕД* 204 = *CIL* III 12499 = *ISM* II 264.

Томы): -- ve[teranus? ...] / vixit [ann(is) ...] / men[ses ...] / Aurel [...] / coni[ugi ...] / Dion[ysius? ...]⁹². Такое прочтение верхней строки сохранившейся части эпитафии в свое время было предложено ее первым издателем Г. Точилеску⁹³. Однако конструкция ve[teranus?] является не более чем одним из возможных вариантов. Уцелевшие буква V и нижняя часть буквы E или L, между которыми, кстати, имеется очевидный пробел (или скол?)⁹⁴, совсем не обязательно означают, что умерший был ветераном. В принципе они могли относиться к самым различным словам, например, как допускает Й. Стоян, к имени покойного⁹⁵. Не больше оснований говорить о ветеране дает и фрагментарная надпись под изображением Фракийского всадника из святилища Асклепия у источника Глава Панега в общине Ябланица⁹⁶. Боянов со ссылкой на публикацию Г. Михайлова указывает, что эта надпись состоит из одного слова — βετρανός (sic! — А.М.), и никаких комментариев по этому поводу не дает. Между тем сам Михайлов к собственному предположению, что это могло быть слово [—β]ετρανός?, относится с большой осторожностью. Более того, по его справедливому замечанию, текст настолько плохо сохранился, что нельзя даже сказать, греческий он или латинский (!)⁹⁷. Заметим также, что, судя по фотографии и прорисовке надписи⁹⁸, буквы E и T Михайловым только угадываются. На самом деле, от первой из них уцелела лишь правая часть, соответствующая скорее латинской букве C или лунарной сигме, а сразу за ней следует I. Разумеется, не исключено, что это — утратившая свой верхний фрагмент буква T и догадка Михайлова верна. Однако получить доказательное подтверждение этому нельзя, и следовательно никакой уверенности в том, что в надписи идет речь именно о ветеране, быть не может.

В итоге в нашем распоряжении остается **110 надписей**, в которых упоминаются **118** отставных военнослужащих. Исходя из этого числа и следует определять процент ветеранов, исполнявших в Нижней Мезии обязанности магистратов и жрецов. По надписям их известно **не менее 20**⁹⁹. Следовательно, доля ветеранов, принимавших активное участие в местном самоуправлении и религиозной жизни провинции, определяется отношением 20 к 118 и, соответственно, составляет **16,9%**.

Сходная картина складывается и в результате обращения к материалам свода эпитафических свидетельств о ветеранах в Нижней Мезии, составленного Крульчиком¹⁰⁰. Наряду с другими данными, в нем представлены 25 военных

⁹² ЕД 204 = *CIL* III 12499 = *ISM* II 264.

⁹³ См. *ISM* II 264 comm.

⁹⁴ *ISM* II 264 imago photogr.

⁹⁵ *ISM* II 264 comm.

⁹⁶ ЕД 56 = *IGBulg* II 586.

⁹⁷ *IGBulg* II 586 comm.

⁹⁸ *IGBulg* II Tab. 26; 586, 1, 2.

⁹⁹ Обычно называют не более 15 таких ветеранов (Mrozewicz 1989a, 159–160, 162; 1989b, 67, 73–75; Boyanov 2008, 267–268; Królczyk 2009, 143–146, 149), однако анализ эпитафических данных позволяет предположить участие в управлении городами и селами Нижней Мезии и некоторых других бывших воинов — упоминаемых в надписях, которые по различным причинам либо вообще остаются вне поля зрения специалистов, либо заслуживают более пристального внимания; подробно см. Martemyanov 2014, 13–31.

¹⁰⁰ Królczyk 2005, 127–154. Каталог включает в себя выдержки из 186 надписей. Их меньше, чем у И. Боянова, количество во многом объясняется тем, что эта добротная сводка практически не содержит информации о лицах, которые ветеранами, скорее всего, не являлись.

дипломов, 29 надписей I — начала II и конца III — IV вв., шесть коллективных упоминаний о ветеранах и 14 текстов, плохая сохранность которых не позволяет определенно судить, идет ли в них речь о ветеранах¹⁰¹. Кроме того, по вышеуказанным причинам при подсчетах не следует учитывать и присутствующие в каталоге свидетельства о трех эвокатах, а также эпитафии Г. Аррия Квинциана¹⁰² и Валерия Геркулана¹⁰³. В результате в нем остаются сведения о **116** бывших военнослужащих. На этом основании можно говорить, что среди осевших на землях Нижней Мезии ветеранов магистраты и жрецы составляли **17,2%**.

Итак, при определении уровня социальной активности ветеранов, на наш взгляд, следует учитывать только те надписи, которые относятся ко времени существования в провинции муниципальной организации и по своему содержанию не исключают возможности наличия в них информации о гражданской карьере отставных военных. Полученные на основании такого подхода результаты позволяют существенно изменить представление о том, насколько типичным могло быть для ветеранов участие в общественной жизни Нижней Мезии. Оказывается, что обязанности должностных лиц в этой провинции исполняли не 8–10%, как принято считать, а около 17% известных по надписям бывших воинов, т.е. магистратом или жрецом был каждый пятый–шестой ветеран. Однако наряду с этими арифметическими показателями необходимо также учитывать одно очевидное и очень важное обстоятельство. Конечно, среди ветеранов было немало честолюбивых, амбициозных людей. Активное участие в местном самоуправлении и религиозной жизни давало им хорошую возможность лишний раз продемонстрировать свое превосходство над большинством провинциалов. Но в равной мере не подлежит сомнению и то, что многие ветераны были изнурены многолетней службой, страдали от старых ран и болезней. Эти пожилые, усталые люди тихо доживали свой век и были уже равнодушны к общественной жизни и почестям. Разумеется, здесь мы ступаем на зыбкую почву предположений, но, думается, не будет большой ошибкой допустить, что таких ветеранов могло быть не менее половины. В таком случае выходит, что выборные должности были доступны не одному из пяти–шести, а *примерно трети тех отставных военных, которые к этому стремились*. Вряд ли такое соотношение было характерно для основной части населения Нижней Мезии, и магистратом или жрецом мог стать каждый третий желавший того крестьянин, ремесленник, мелкий торговец. Это означает, что по сравнению с большинством жителей провинции многие ветераны действительно занимали в местном обществе более высокое место. Таким образом, видимое противоречие между свидетельствами юридических памятников и эпиграфических источников, о котором говорилось в начале статьи, исчезает. Напротив, эпиграфические данные об участии бывших военных в общественной жизни городов и сел Нижней Мезии становятся важным подтверждением того, что к привилегированной части провинциального населения принадлежало немало армейских ветеранов.

Разумеется, эти выводы носят в известной мере гипотетический характер. Они основаны на выборке свидетельств, объем которой, увы, не гарантирует ее репрезентативности: за время существования провинции в Нижней Мезии могли

¹⁰¹ Сослаться на соответствующие конкретные позиции свода в данном случае не представляется возможным, так как надписи в нем не пронумерованы.

¹⁰² См. прим. 80.

¹⁰³ См. прим. 82.

найти кров многие тысячи, а то и десятки тысяч отставных военных. Тем не менее различного рода статистические расчеты, базирующиеся и на примерно таком же, и даже на меньшем¹⁰⁴ количестве информации, в настоящее время практикуются весьма активно. С учетом этого представляется целесообразным, возможно, уже сейчас, не дожидаясь, когда в распоряжении специалистов окажется достаточное количество надписей (а такое время, надо надеяться, наступит), пересмотреть на основе предложенной здесь методики подсчетов бытующие в литературе данные об уровне социальной активности ветеранов и в других провинциях Римской империи¹⁰⁵. В некоторых случаях характеризующие этот уровень показатели могут, как и для Нижней Мезии, измениться весьма существенно, в каких-то других — незначительно. Однако, так или иначе, получены они будут на основании более, как нам представляется, корректного подхода, чем тот, которым исследователи руководствовались до сих пор.

Литература/References

- Aparaschivei, D. 2005–2006: Municipiul Troesmis. Instituții și elite. *Peuce (S. N.)* 3–4, 189–208.
- Aparaschivei, D. 2010: *Orașele romane de la Dunărea Inferioară (secolele I–III p. Chr.)*. Iași.
- Aricescu, A. 1977: *Armata în Dobrogea Romană*. București.
- Arnold, W.T. 1906: *The Roman System of Provincial Administration to the Accession of Constantine the Great*. Oxford.
- Barnea, A. 1975: Contributions épigraphiques à l'histoire de la ville de Noviodunum. *Dacia (N. S.)* 19, 255–261.
- Bărbulescu-Munteanu, M., Rădulescu, A. 1981: Descoperiri epigrafice recente. *Pontica* 14, 159–170.
- Bărbulescu-Munteanu, M., Rădulescu, A. 1982: Colonia Ulpia Zermizegetusa pe o inscripție din Dobrogea. *Pontica* 15, 153–159.
- Beshevliev, V. 1952: *Epigrafski prinosi [Epigraphic contributions]*. Sofia.
- Бешевлиев, В. *Эпиграфски приноси*. София.
- Birley, E. 1989: Some Legionary Centurions. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 79, 114–128.
- Boyanov, I. 2008: *Rimските ветерани в Долна Мизия и Тракия (I–III в.) [The roman veterans in Lower Moesia and Thrace (1st–3rd century AD)]*. Sofia.
- Боянов, И. *Римските ветерани в Долна Мизия и Тракия (I–III в.)*. София.
- Boyanov, I. 2012: Veterans and society in Lower Moesia and Thrace during the Principate. In: L. Vagalin-ski, N. Sharankov, S. Torbatov (eds), *The Lower Danube Roman Limes (1st–6th c. AD)*. Sofia, 251–269.
- Bozhilova, V. 1987: [Epigraphic texts from the sanctuary of Diana and Apollo]. In: V. Velkov (ed.), *Montana [Montana]*. Vol. 1. Sofia, 20–36.
- Божилова, В. Эпиграфски паметници от светилището на Диана и Аполон. В сб.: В. Велков (отг. ред.), *Монтана*. Т. 1. София, 20–36.
- Brennan, P. 1979: AE1963. 182 (Sacidava): new readings and interpretation. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 33, 161–167.
- Cagnat, R. 1892: Evocati. In: Ch. Daremberg, E. Saglio, E. Pottier (eds), *Dictionnaire des antiquités grecques et romaines d'après les textes et les monuments*. Vol. 2. Paris, 866–868.
- Cagnat, R. 1898: *Cours d'épigraphie latine*. Paris.

¹⁰⁴ См., например, Piftor 2013; Mihailescu-Bîrliba 2014; Varga 2016.

¹⁰⁵ Речь идет только о тех провинциях, на территории которых, как и на землях Нижней Мезии, зафиксировано более или менее значительное количество ветеранов. Применительно же к провинциям, где бывших военных известно совсем мало, как, скажем, в Реции или Норике, проводить такую работу не имеет смысла. В Реции, например, по данным Крульчика, обнаружено всего 71 эпиграфическое свидетельство о ветеранах и 46 из них — это военные дипломы (см. Królczyk 2005, 9–16). Естественно, строить какие-либо расчеты на основании оставшихся 25 надписей бессмысленно.

- Doruțiu-Boilă, E. 1980: Troesmis. In: E. Doruțiu-Boilă (ed.), *Inscriptiile din Scythia Minor grecești și latine* 5. București, 154–159.
- Fiebigler, H.O. 1907: Evocati. In: *RE*. Hlbd 11, 1145–1152.
- Fedorova, E.V. 1969: *Latinskaya epigrafika [Latin epigraphy]*. Moscow.
- Федорова, Е. В. *Латинская эпиграфика*. М.
- Gamberale, L. 1989: A proposito di due carmi epigrafici di Noviodunum (Inscr. Scyth. min. V 281; AE1977, 762 e 1984, 793). *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 77, 43–54.
- Gerov, B. 1948–1949: [The romanism between the Danube and the Balkan Mts. Pt. 1]. *Godishnik na Sofiyskiya universitet. Istoriko-filologicheski fakultet [Annual of Sofia University. Faculty of History and Philology]* 45. 4, 1–91.
- Геров, Б. Романизмът между Дунава и Балкана. Ч. 1. *Годишник на Софийския университет. Историко-филологически факултет* 45. 4, 1–91.
- Gerov, B. 1952–1953: [The romanism between the Danube and the Balkan Mts. Pt. 2]. *Godishnik na Sofiyskiya universitet. Filologicheski fakultet [Annual of Sofia University. Faculty of Philology]* 48, 307–415.
- Геров, Б. Романизмът между Дунава и Балкана. Ч. 2. *Годишник на Софийския университет. Филологически факултет* 48, 307–415.
- Gerov, B. 1977: [Landownership in the Roman Thrace and Moesia (the 1st–3rd cent. AD)]. *Godishnik na Sofiyskiya universitet. Fakultet po klasicheski i novi filologii [Annual of Sofia University. Faculty of Classical and Modern Philology]* 72.2, 1–173.
- Геров, Б. Земевладението в римска Тракия и Мизия (I–III в.). *Годишник на Софийския университет. Факултет по класически и нови филологии* 72.2, 1–173.
- Groag, E. 1932: L. Minicius Natalis Quadronius Verus. In: *RE*. Hlbd 30, 1836–1842.
- Ivanov, T. 1980: *Abritus. Rimski kastel i rannovizantiyski grad v Dolna Miziya. T. 1. Topografiya i ukrepitelna sistema na Abritus [Abritus. A Roman Castle and Early Byzantine Town in Moesia Inferior. Vol. 1. Topography and Fortification System of Abritus]*. Sofia.
- Иванов, Т. *Абритуc. Римски кастел и ранновизантийски град в Долна Мизия. Т. 1. Топография и укрепителна система на Абритуc*. София.
- Ivanov, R. 1999: *Dolnodunavskata otbranitелna sistema mezhdu Dortikum i Durostorum ot Avgust do Mavrikiy [The Defence System along the Lower Danube between Dorticum and Durustorum from Augustus to Mauricius]*. Sofia.
- Иванов, Р. *Долнодунавската отбранителна система между Дортикум и Дуросторум от Август до Маврикий*. София.
- Kolosovskaya, Yu.K. 1969: [On the structure of Roman society in the first three centuries A.D. (collegia veteranorum)]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 4, 122–129.
- Колосовская, Ю.К. К вопросу о социальной структуре римского общества в I–III вв.н.э. (collegia veteranorum). *ВДИ* 4, 122–129.
- Królczyk, K. 2005: *Tituli veteranorum. Veteraneninschriften aus den Donauprovinzen des Römischen Reiches (I.–3. Jh.n. Chr.)*. Poznań.
- Królczyk, K. 2009: *Veteranen in den Donauprovinzen des Römischen Reiches (I. – III. Jh.n. Chr.)*. Poznań.
- Królczyk, K. 2017: *Weterani w prowincjach naddunajskich w okresie wczesnego Cesarstwa Rzymskiego (I–III w.n.e.)*. Oświęcim.
- Le Bohec, Y. 2001: *Rimskaya armiya epokhi Ranney Imperii [L'armée romaine sous le Haut-Empire]*. Transl. from French. Moscow.
- Ле Боэк, Я. *Римская армия эпохи Ранней Империи*. Пер. с франц. М. Н. Челинцевой. М.
- Lebedeva, G.E. 1977: [Early Byzantine legislation about veterans (according to the Theodosian and Justinianian codes)]. In: Z. V. Udal'tsova (ed.), *Vizantiyskiye ocherki [Byzantine Studies]*. Moscow, 149–157.
- Лебедева, Г. Е. Ранневизантийское законодательство о ветеранах (по данным кодексов Феодосия и Юстиниана). В сб.: З. В. Удалцова (ред.), *Византийские очерки*. М., 149–157.
- Makhlayuk, A.V. 2000: *Armiya Rimskoy imperii. Ocherki traditsiy i mental'nosti [The Army of the Roman Empire. Essays on Traditions and Mentality]*. Nizhny Novgorod.
- Махлаюк, А. В. *Армия Римской империи. Очерки традиций и ментальности*. Нижний Новгород.
- Mann, J.C. 2000: *Honesta missio* from the legions. In: G. Alföldy, B. Dobson, W. Eck (Hrsgg.), *Kaiser, Heer und Gesellschaft in der Römischen Kaiserzeit. Gedenkschrift für Eric Birley*. Stuttgart, 153–161.
- Martemyanov, A.P. 2014: [Veterans of the Roman army – magistrates and priests in Lower Moesia]. *Res Historica* 38, 11–33.
- Мартемьянов, А. Р. Ветераны римской армии – магистраты и жрецы в Нижней Мезии. *Res Historica* 38, 11–33.
- Matci-Popescu, F. 2010: *The Roman Army in Moesia Inferior*. Bucharest.

- Mihailescu-Bîrliba, L. 2010: L'inscription de T. Iulius Saturninus à Dierna et l'affermage du *publicum portorii Illyrici*. *Studia Antiqua et Archaeologica* 16, 145–152.
- Mihailescu-Bîrliba, L. 2014: La mortalité des légionnaires en Mésie Inférieure. *Studia Antiqua et Archaeologica* 20, 171–183.
- Mihailescu-Bîrliba, L., Piftor, V. 2005–2006: Les vétérans membres de l'élite civile en Dobroudja romaine. *Peuce (S. N.)* 3–4, 209–216.
- Mrozewicz, L. 1982a: *Rozwój ustroju municypalnego a postępy romanizacji w Mezji Dolnej*. Poznań.
- Mrozewicz, L. 1982b: Munizipalaristokratie in Moesia Inferior. *Eos* 70. 1, 299–318.
- Mrozewicz, L. 1984: Victoria Aug(usta) Panthea Sanctissima. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 57, 181–184.
- Mrozewicz, L. 1989a: *Arystokracja municypalna w rzymskich prowincjach nad Renem i Dunajem w okresie Wczesnego Cesarstwa*. Poznań.
- Mrozewicz, L. 1989b: Die Veteranen in den Munizipalräten an Rhein und Donau zur Hohen Kaiserzeit (I. – III. Jh.). *Eos* 77. 1, 65–81.
- Neumann, A. 1962: Veterani. In: *RE*. Splbd 9. Stuttgart, 1601–1609.
- Petrusheva, Z. 2004: [Veterans in the Late Antiquity]. *Minalo [The Past]* 3, 18–29.
- Петрушева, З. Ветераните през късната античност. *Минало* 3, 18–29.
- Piftor, V. 2013: Age rounding and social status in Moesia Inferior. *Studia Antiqua et Archaeologica* 19, 87–114.
- Ritterling, E. 1924–1925: Legio. Bestand, Verteilung und kriegerische Betätigung der Legionen des stehenden Heeres von Augustus bis Diocletian. In: *RE*. Bd XII, 1211–1829.
- Rostovtsev, M.I. 1904: [Evocati]. In: *Entsiklopedicheskii slovar' F.A. Brockhausa i I.A. Efrona [Brockhaus and Efron Encyclopaedic Dictionary]*. Vol. 40. Saint Petersburg, 134–135.
- Ростовцев, М. И. Эвокаты. В кн.: *Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона*. Т. 40. СПб., 134–135.
- Sandys, J.E. 1919: *Latin Epigraphy. An Introduction to the Study of Latin Inscriptions*. Cambridge.
- Sarnowski, T. 1993: Die ritterlichen Tribunen der legio I Italica. In: L. Mrozewicz, K. Iłski (Hrsg.), *Prosopographica*. Poznań, 63–80.
- Scorpan, C. 1972: Sacidava și unele probleme stratigrafice și cronologice ale limes-ului și Dobrogei Romane. (Secolul V e.n. în arheologia dobrogeană). *Pontica* 5, 301–327.
- Stoll, O. 2013: Ehrenwert und Alt. Veteranen der Römischen Kaiserzeit im Nahen Osten. In: B. Edelman-Singer, H. Konen (Hrsgg.), *Salutationes – Beiträge zur Alten Geschichte und ihrer Diskussion. Festschrift für Peter Herz zum 65. Geburtstag*. Berlin, 313–340.
- Stoll, O. 2015: *Ehrenwerte Männer: Veteranen im römischen Nahen Osten der Kaiserzeit. Eine Studie zur Wirtschafts-, Sozial- und Kulturgeschichte der nahöstlichen Provinzen anhand papyrologischer und epigraphischer Zeugnisse*. Berlin.
- Tacheva, M. 2000: *Vlast i sotsium v rimska Miziya i Trakiya [Authority and Society in the Roman Moesia and Thrace]*. Sofia.
- Тачева, М. *Власт и социум в римска Мизия и Тракия*. София.
- Thomasson, B.E. 2009: *Laterculi Praesidum*. Vol. 1. Göteborg.
- Varga, R. 2016: Notes on the funerary epigraphy of soldiers from Roman Dacia. *Studia Antiqua et Archaeologica* 22. 1, 77–82.
- Velkov, V. 1961: [From the history of the Lower Danube limes at the end of the 1st cent. AD]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 2, 69–82.
- Велков В. Из истории Нижнедунайского лимеса в конце I в.н.э. *ВДИ* 2, 69–82.
- Velkov, V. 1965: Eine neue Inschrift über Laberius Maximus und ihre Bedeutung für die ältere Geschichte der Provinz Moesia Inferior. *Epigraphica. Rivista italiana di epigrafia* 27, 90–109.
- Velkov, V., Aleksandrov, G. 1994: *Epigrafski pametnitsi ot Montana i rayona [Epigraphic texts from Montana and the area]*. Montana.
- Велков В., Александров Г. *Эпиграфски паметници от Монтана и района*. Монтана.
- Wesch-Klein, G. 2007: Recruits and veterans. In: P. Erdkamp (ed.), *A Companion to the Roman Army*. Malden–Oxford, 435–450.
- Wolff, H. 1986: Die Entwicklung der Veteranenprivilegien vom Beginn des 1. Jahrhunderts v. Chr. bis auf Konstantin d. Gr. In: W. Eck, H. Wolff (Hrsgg.), *Heer und Integrationspolitik. Die römischen Militärdiplome als historische Quelle*. Köln–Wien, 44–115.
- Żyromski, M. 1994: Dowódcy floty mezyjskiej w okresie pryncypatu. In: L. Mrozewicz, K. Iłski (eds), *Studia Moesiaca*. Poznań, 117–128.